
АЛЕКСАНДР БЛОК КАК ПЕРЕВОДЧИК ПОЭЗИИ ИСААКЯНА

З. А. ОГАНЯН

Более пятидесяти лет знаменитая антология «Поэзия Армении» является не только объектом внимательного изучения историков и теоретиков литературы, но и книгой, доставляющей подлинное эстетическое наслаждение. Много волшебных страниц армянской поэзии ожило для русского читателя благодаря блестящему мастерству русских поэтов-переводчиков. Среди переводов, включенных в «Поэзию Армении», одно из первых мест занимают переводы Александра Блока стихов Аветика Исаакяна. Они стоят особняком среди всех переводов из армянской поэзии и, несмотря на небольшой объем, показывают поэзию Исаакяна в подлинном свете: в звуках русской речи они передают очарование музыкальной лиры армянского поэта, с возможно максимальной точностью переносят на родной поэту язык всю прелесть армянских оригиналов.

За поразительно короткий срок (два месяца) Блок перевел более 20 стихотворений Исаакяна, что свидетельствует о его сильном увлечении армянским поэтом. Известно, что Блок в письме к А. А. Измайлову от 28 января 1916 года четко выразил свое отношение к Варпету: «...Поэт Исаакян — первоклассный; может быть, такого светлого и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет».

Избранные страницы лирики раннего Исаакяна (1890, 1900-е годы) получили поэтическое звучание на русском языке; эти переводы остались в дальнейшем непревзойденными.

Во время работы над переводами песен Исаакяна Блока консультировал известный армянский литературовед П. Макинцян. Он и первым откликнулся на переводы Блока письмом, в котором дает весьма высокую оценку работе Блока. Вот выдержки из этого письма: «...То вдумчивое отношение, которое Вы проявили к нашему делу, и те меткие замечания, которые Вы делали, читая мои подстрочники, давали мне уверенность предположить, что переводы будут достойны Вашего пера. И теперь мне радостно сказать Вам, что я вдвойне благодарен Вам за них, так как Исаакян мой близкий друг и любимый поэт... Ваши переводы я здесь читал многим и таким образом проверил самого себя. Ведь Исаакяна здесь знают наизусть. Поэтому особенно трудно переводить его стихи ...В Ваших же переводах Исаакян таков, каков он есть на самом деле. Хорош он или плох, понравится читателям или нет—это другое дело. По-моему, Исаакян благодаря Вам ожил для русского читателя, за что буду рад пожать Вашу руку, если позволите, и еще раз выразить свою признательность, когда буду в Петербурге»¹.

¹ Полный текст письма см. в кн.: Л. М. Мкртчян, Аветик Исаакян, Ереван, 1964, стр. 8, 9.

Много раз потом поэты обращались к творчеству Исаакяна. Были переводы, засушивающие поэзию при точности переложения, в котором явно чувствовался подстрочник; были и переводы, настолько далеко отошедшие от оригинала, что не давали почти никакого представления о подлинной поэзии Исаакяна. Переводы Блока ценны именно тем, что верно и тонко передают поэтический настрой Исаакяна, светлую, а порой и щемящую печаль его ранней лирики. Русским читателем они воспринимаются как перлы истинной поэзии, когда совершенство стиха заставляет забывать о переводе. Того, что сделал Блок для армянской поэзии, достаточно, чтобы и сейчас, когда армянская поэзия нашла столько вдохновенных мастеров русского стиха, посвятивших свою лиру переводу армянской поэзии, выделяли его имя среди остальных.

Блок подошел к Исаакяну как поэту мирового значения. С благоговением и восторгом, упиваясь каждой его поэтической строкой, Блок перелагал на русский язык шедевры раннего Исаакяна. Несомненная общность многих поэтических образов и символов в творчестве этих двух поэтов делала переводы Блока еще прочувствованнее и красочнее.

Александр Блок и Аветик Исаакян близки друг другу сложностью высоких порывов мятущейся души, строгим и благоговейным отношением к художественному слову, стремлением к истинной народности в поэзии. Их роднит особый поэтический темперамент, искренность и смелость, большая правда искусства.

Вот один из поэтических перлов Исаакяна «Ночью в саду у меня», («Ամեն գիշեր իմ ցարտեղում», 1892 г.). Нет ни одного образа, аллитерации, повтора, которые не были бы соблюдены в переводе. В то же время все сделано настолько естественно и просто, что кажется стихотворение вылилось в едином порыве поэтического вдохновения, родилось само, без малейшего влияния извне.

*Ночью в саду у меня
Плачет плакучая ива,
И безутешна она,
Ивушка, грустная ива.*

*Раннее утро блеснет—
Нежная девушка-зорька
Ивушка, плачущей горько,
Слезы кудрями отрет.*

Удивительно точно сохранен метафорический образ «լալիան ուրիշ լաց է լինում» («плачет плакучая ива»), его аллитерация. А изменение синтаксического строя 3-й и 4-й строк не приводит к отходу от строя речи Исаакяна, а акцентирует лирический символ—иву.

*Վշտառոշուր լաց է լինում,
Լաց է լինում իմ ուրիշ:*

*И безутешна она,
Ивушка, грустная ива.*

Интересно перевел Блок довольно сложный поэтический образ «Կույս արևը նազելի». Мягко, без нажима он обратился к русскому аналогу: *нежная девушка-зорька*, сохранив присущие образу необычность и свежесть.

Блок стремится, где это возможно, сохранить и фонетическое звучание исаакяновского слова, транскрипцию армянской речи. Отсюда и час-

тое перенесение в перевод таких характерных для армянского языка, особенно поэтического, слов, как *яр* (возлюбленный (ая)), *джан* (милый (ая)), *ал* (алый), *дар-дар*, *гюль-гюль* (звукоподражания, подобные русскому бай-бай).

Мы не ставим себе целью подробный анализ художественных выразительных средств, используемых Блоком при переводе стихотворений Исаакяна, но хотим остановиться на нескольких из его переложений, получивших право оригинального произведения. Сказанное в полной мере относится к переводу одного из популярнейших стихотворений «Караван мой бренчит и плетется» («*Օտիշ՝ր, անիւրի՝ ճանիւրերի վրա*», 1903), которое поется в Армении на правах народной песни.

*Караван мой бренчит и плетется
Средь чужих и безлюдных песков.
Погоди, караван! Мне сдается,
Что из родины слышу я зов...*

*Нет, тиха и безмолвна пустыня,
Солнцем выжжена дикая степь.
Далеко моя родина ныне,
И в объятьях чужих моя джан.*

*Поцелуюм и ласкам не верю,
Слез она не запомнит моих.
Кто зовет? Караван, шевелися,—
Нет в подлунной обетов святых!*

*Уводи, караван, за собою,
В неродную, безлюдную мглу.
Где устану — склонюсь головою
На шипы, на утес, на скалу...*

Уже первая строка создает то настроение, тот накал, когда правда чувства становится правдой поэзии, а мысль в тесных рамках отточенных четверостиший поражает глубиной и богатством. Тема личной любви и любви к родине, переплетаясь с мотивом беспросветного одиночества и отчаяния, решена в рамках малой формы настолько многопланово, что это небольшое стихотворение можно приравнять поэме с «многоступенчатой» композицией (от общего к частному, и наоборот). К сожалению, в переводе не удалось сохранить богатые аллитерации оригинала (звуков *т, з, р, л*), однако Блок до такой степени проникся ритмом и инверсией армянской речи, что создал очень близкое по духу стихотворение. И снова поражает удивительная точность и одновременно своеобразие при переводе сложнейших форм. Так, строка: *Գրադրր, լսվելու տալ զիս տիրու ուր* звучит у Блока так: *Нет в подлунной обетов святых.*

Емкость и лаконичность образов, совершенно чуждых напыщенной цветистости и искусственности (чего так часто нельзя избежать при переводе восточной поэзии), помогают передать характерную для Исаакяна драматическую напряженность стиха.

Например, повторяющаяся в начале и в конце стихотворения строка: *Օտիշ՝ր, անիւրի՝ ճանիւրերի վրա...* переводится Блоком двояко: *Средь чужих и безлюдных песков* (в начале) и *в неродную, безлюдную мглу* (в конце).

Здесь действует ассоциативность образов: дорога в пустыне—это пески, а в более широком, обобщенном плане — мгла, мгла в душе поэта и на пыльной пустынной дороге.

Для сохранения ритмической звучности последней строки Блок ввел для усиления троекратный повтор предлога «на».

Выражением одной из традиционных для армянской лирики темы матери, вспоминаемой на чужбине, является стихотворение, в своем роде программное для раннего Исаакяна, — «Моей матери» («Մայրիկի»), написанное в 1893 г. в Дрездене. В нем поэт выразил переполнявшую его жгучую тоску по родине, родной речи, близким, ласковому слову. И поклялся навсегда посвятить свою лиру покинутой, многострадальной родине, армянскому народу. Вот это стихотворение в переводе Блока:

*От родимой страны удалился
Я, изгнанник, без крова и сна,
С милой матерью я разлучился,
Бедный странник, лишился я сна.*

*С гор вы, пестрые птицы, летите,
Не пришлось ли вам мать повстречать?
Ветерки, вы с морей шелестите,
Не послала ль привета мне мать?*

*Ветерки пролетели бесшумно,
Птицы мимо промчались на юг,*

*Мимо сердца с тоскою безумной
Улетели бесшумно на юг.*

*По лицу да по ласковой речи
Стосковался я, мать моя, джан,
Был бы сном я, — далече, далече,
Полетел бы к тебе, моя джан.*

*Ночью душу твою целовал бы,
Обнимал бы, как сонный туман,
К сердцу в жгучей тоске припадал бы,
И смеялся, и плакал бы, джан!*

Особенно удались Блоку первая и последняя строфы стихотворения с их насыщенностью эмоций, которые достигают кульминации в строках «ночью душу твою целовал бы, обнимал бы, как сонный туман». В оригинале поцелуй относится не к самой душе, а к матери, но, вероятно, некоторая неточность подстрочника подсказала незабываемый образ. В первой строфе в четных строках рифмуются *սոնն շննիւմ-հոնն շննիւմ*, причем омонимы *սոնն-հոնն* создают повтор словосочетания в целом.

Блок говорил, что всю его лирику можно рассматривать как роман в стихах. Подразумевалось единство внутреннего мира лирического героя, его характера, мировоззрения и восприятий при всей их противоречивости, связанной с эпохой, с известной эволюцией личности, ее духовным развитием. Можно смело сказать, что к переводу исаакяновского цикла стихов Блок подошел как к цельному поэтическому произведению, поэме, разделенной на главы, каждая из которых, при всей их неповторимости, внутренне связана с другими общностью настроения, мысли, философской направленности или бесконечно разнообразных, но таких определенно «исаакяновских» выразительных средств.

Вот поэтическая миниатюра «Видит лань» («Աղբյուրի մէջ մի մարմի», 1899).

*Видит лань — в воде
Отражен олень.
Рыщет лань везде,
Ищет, где олень.*

*Лани зов сквозь сон
Услыхал олень.
Рыщет, ищет он,
Ищет ночь и день.*

Казалось бы совершенно абстрагированный от общей философской направленности исаакяновской лирики поэтический вымысел. Но поэт

с помощью художественной метафоры тонко проводит мотив одиночества, те подсознательные поиски неизвестного друга, в котором он угадывает близкую, родственную душу.

В переводе Блока полностью сохранен дух оригинала. Лишь стала короче и без того короткая строка, усилилась афористичность, а проходящая через все стихотворение фонетическая схожесть слов Վարժի, Վան, Վրժար, մուրիկ-մուրիկ заменена звуковым соответствием часто повторяющихся слов-образов *лань* и *олень*.

В хронологическом отношении эта миниатюра находится где-то посередине между переведенным Блоком стихотворением Исаакяна 1895 г. «Издадека в тиши ночной» («Ինչո՞ւ գրչե՛րի՛ն հե՛ռու տեղի՞ց») и более поздним (1905 г.) «Да, я знаю всегда есть чужая страна» («Միշտ գգու՛մ է՛մ Ես, որ Վր հե՛ռա՛վոր») . Интересно, что остановив выбор на этих стихотворениях, Блок прослеживает мотив одиночества в творчестве Исаакяна на протяжении целого десятилетия и выражает родственное ему настроение на редкость органично, передавая тончайшие его нюансы.

*Издадека в тиши ночной
До сердца песнь дошла,
Чья тихая душа тоской
Мне душу облекла?*

*В печальной песне—аромат
Баюкальной мечты.
Прибой любви священной, брат,
Услышь, безвестный, ты!*

Вольно трактуя сложнейшие поэтические образы Исаакяна, так чарующе звучащие на армянском языке, Блок добивается равноценной силы стиха. Например, строки «Վարժու՛մե՛րով հյ՛ւսւ՛մի՛մ է՛րար րու՛նց է՛գր րժի՛ւմա՛րի՛ն» в переводе звучат так: «*В печальной песне—аромат баюкальной мечты*». Неологизм *баюкальная* по отношению к *мечте* воспринимается именно как *полная снов, сладостных и печальных*.

«Великие произведения искусства,— писал Блок,— выбираются историей лишь из числа произведений «исповеднического» характера. Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он сжег себя дотла, для того ли, чтобы родиться для новых созданий, или для того, чтобы умереть,— только оно может стать великим. Если эта сожженная душа... огромна — она волнует не один народ и не одно столетие. Если она и не велика, то рано ли, поздно ли, она должна взволновать по крайней мере своих современников даже не искусством, даже не новизною, а только *искренностью самопожертвования*»².

И величие большой души, и предельную искренность нашел Блок в поэзии Исаакяна, и эти два качества стремился он прежде всего передать в своих переводах. Действительно, иначе чем исповедью души не назовешь стихотворение «Да, я знаю».

*Да, я знаю, всегда есть чужая страна.
Есть душа в той далекой стране.
И грустна, и, как я, одинока она,
И сгорает, и рвется ко мне.*

*Даже кажется мне, что к далекой руке
Я прильнул поцелуем святым,
Что рукой провожу в неисходной тоске
По ее волосам золотым...*

² А. Блок, Собр. соч., т. X, стр. 152.

Очень насыщены обилием оттенков чувств, тончайших душевных переживаний две последние строчки первого четверостишия

Մի սիրտ է աչքովս՝ անհայտ, մեկավո՛ր
Եվ երազով է, բախճովս բո՞ւ խառն:

В переводе Блока сохранена экспрессия стиха

*И грустна, и, как я, одинока она,
И сгорает, и рвется ко мне,*

усиленная глаглом *рвется*, который передает состояние «сгорающей» души.

Присоединяясь к поэтической исповеди Исаакяна, Блок привносит и свое отношение к предмету грез лирического героя поэта, свое видение прекрасного женского образа с *золотыми волосами* (отсутствующими у армянского поэта).

Самозабвенно войдя в русло поэтической речи Исаакяна, Блок как бы соперничает с ним, участвует в его раздумьях, разделяет их. Такое отношение к оригиналу могло быть вызвано только несомненной общностью лирики двух великих поэтов. Вслед за Исаакяном Блок самозабвенно поет об Алагязе под алмазным венцом, который сидит на троне «выше гор, выше туч», о старой матери-армянке, творящей молитву о бедном изгнаннике — своем сыне, о душе, объятай тоской, и о «жаворонке страстном», поющем о любви и свете, о баштане на Аразе, о караване, бредущем в пустыне, о черных очах с безбрежностью ночей, о традиционной в восточной поэзии розе с шипами, неизбежности близкой смерти и желании быть похороненным на родине, «на вершине горы Алагяз». И чужие названия, мелодия незнакомой речи настолько завораживают переводчика, он настолько вживается в образную поэтическую систему армянского барда, что поистине творит свои переводческие жемчужины.

ԱՆՔՍԱՆԳՐ ԲՆՈՎԸ ՈՐՊԵՍ ԻՍԱՀԱԿՅԱՆԻ ՊՈԵԶԻԱՅԻ ԹԱՐԳՄԱՆԻՉ

Զ. Ա. ՕԶԱՆՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ո լ մ)

Բլոկի թարգմանություններում նրբորեն պահպանված են Իսահակյանի բնարերգության պատկերավոր սիստեմը և ձայնային հնչեղությունը՝ որտեղ որ դա հնարավոր է: Բլոկը, որ իր ամբողջ բնարերգությունը գիտում էր որպես շափածո մի վեպ, Իսահակյանի բանաստեղծությունները բնկալում է ինչպես պոեմների բաժանված մի պոեմ, որոնցից յուրաքանչյուրը ներքուստ կապված է մյուսների հետ: Բլոկի կողմից թարգմանության համար բնորված շատ բանաստեղծություններում առկա են Իսահակյանի ստեղծագործական վաղ շրջանին բնորոշ թախծի, միայնություն, անձանով բարեկամի որոնումների մոտիվները: Իսահակյանի այդ շրջանի ստեղծագործության և Բլոկի բանաստեղծական գաղափարի միջև անստարակույս առկա են կերպարների, մոտիվների և ապրումների, փրկիստիաչական սիմվոլիկայի, բանաստեղծական խառնվածքի, հսկեկան պոսիվումների և ձգտումների բնո՞հանուր շատ գծեր: